

Призрак Эгона Бара возвращается в Москву

В 1963 году Бар разработал «Остполитику» («Восточную политику»), которая отдавала предпочтение сближению с СССР, а не враждебности. В конце жизни он назвал выбор Запада курса на конфронтацию «ошибкой века».

Марко Фернандес

срд 07 окт 2026 16 мин. чтения

Вечером 1 октября, перед [заключительным пленарным заседанием ежегодной встречи Валдайского клуба](#), на котором мне довелось присутствовать, Владимир Путин неожиданно сделал историческое отступление, обратившись к материалам, найденным им в советских архивах. Он напомнил о предостережениях, прозвучавших почти четыре десятилетия назад из уст немца, которого сегодня почти никто уже не помнит, — Эгона Бара, одного из руководителей Социал-

демократической партии Германии (СДПГ). Именно Бар в 1963 году разработал так называемую *Ostpolitik* («восточную политику»), делавшую ставку на сближение СССР с Западом, а не на усиление противостояния с ним. По замыслу Бара, Германия должна была стать мостом между двумя сторонами стены. Будучи статс-секретарём Федерального ведомства канцлера — иначе говоря, правой рукой Вилли Брандта, — Бар вёл переговоры по Восточным договорам Брандта, занимавшего пост канцлера Германии с 1969 по 1974 год. В период с 1970 по 1973 год Бонн заключил Восточные договоры с Москвой, Варшавой и Восточным Берлином: ФРГ признала сложившиеся после войны границы и существование другой Германии в обмен на гарантии транзита и возможность семейных визитов. Так формула Бара получила юридическое воплощение: принять существующую реальность, чтобы через сосуществование создать условия для перемен. Христианские демократы (ХДС) настолько ожесточённо боролись против этих договоров, что едва не добились отставки Брандта: вотум недоверия в 1972 году провалился всего двумя голосами.

На Валдайском форуме Путин зачитал три фрагмента из советского архива. В первом Бар указывал на существование внутри самого НАТО кругов, которые совершенно не заинтересованы в том, чтобы двигаться по пути общеевропейского сотрудничества и сворачивания конфронтации. Во втором он предупреждал, что без решительных шагов по преодолению раскола Европы на враждебные блоки развитие событий примет крайне неблагоприятный характер и обречёт СССР на международную изоляцию. Бар также изложил, что, по его мнению, должно прийти на смену системе блоков: совет безопасности с широкими полномочиями, объединяющий Соединённые Штаты, Советский Союз и всю Центральную и Восточную Европу, — при условии, что НАТО не будет продвигаться на восток. Обнаружив эти материалы в архивах, Путин сказал, заранее предупредив, что сейчас выразится «недипломатично»: «у меня челюсть отвисла». На фоне сегодняшней Германии, чья риторика с каждым днём становится всё более агрессивной и которая продолжает поддерживать призрак «российской угрозы», действительно поражает то, что один из главных интеллектуальных архитекторов германской внешней политики на протяжении более двух десятилетий настолько ясно осознавал опасность усиливающейся поляризации между Западом и СССР, выступал против расширения НАТО на восток и предлагал новую, смелую архитектуру европейской безопасности. Для российского президента это выглядит так, словно Бар заглянул в хрустальный шар.

Важно учитывать и момент, когда всё это было сказано. За двадцать четыре часа до этого Москва направила НАТО меморандум с предупреждением: если альянс попытается установить блокаду Калининграда, Россия прибегнет ко всем имеющимся в её распоряжении средствам для своей защиты. На Валдайском

форуме Путин подчеркнул, что о ядерном оружии в меморандуме речи не шло. Однако в тот же день постоянный представитель России при Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе Дмитрий Полянский заявил на заседании Постоянного совета ОБСЕ, что в российских доктринальных документах для подобного случая предусмотрена возможность ядерного ответа. В тот же день, 1 октября, канцлер Германии Фридрих Мерц предупреждал, что Европе следует готовиться к расширению российских гибридных операций. Именно в такой атмосфере российский президент решает заговорить о Германии. Но говорит он о ней устами немца.

В феврале 1990 года Бар находился в Москве от имени парламентской фракции СДПГ вместе с депутатом Карстеном Фойгтом. В присутствии Валентина Фалина, занимавшего пост советского посла в Бонне в годы *Ostpolitik*, он заявил Александру Яковлеву — одному из главных архитекторов перестройки, — что Гельмут Коль, представитель ХДС и тогдашний канцлер Германии, хочет видеть «НАТО до Одера», то есть до реки, отделяющей Германию от Польши. Сегодня альянс продвинулся ещё примерно на тысячу километров дальше и находится всего в 130 километрах от Санкт-Петербурга. Бар также сказал, что, если Советский Союз ничего не сделает, чтобы этому помешать, он больше никогда не вернётся в Москву — именно так, как рассказал нам Путин. На следующий день Бар предложил советскому министру иностранных дел Эдуарду Шеварднадзе создать европейскую систему безопасности с собственным объединённым командованием, к которой была бы привязана единая Германия вместо сохранения противостоящих друг другу блоков. Он предупредил, что, если Москва согласится на вступление объединённой Германии в НАТО, сама СДПГ изменит свою позицию и капитулирует. Шеварднадзе ответил: «Советский Союз не капитулирует». Три месяца спустя в Вашингтоне Горбачёв предоставил Германии право самостоятельно выбирать, в какой союз ей вступать. Через восемнадцать месяцев Советский Союз капитулировал — уже в буквальном смысле слова. Вскоре после этого, по иронии судьбы — или, скорее, трагически, — оптимистично настроенный Шеварднадзе стал президентом бывшей советской республики Грузия.

Путин использовал фигуру Бара не только для критики нынешнего правительства Германии или руководства ЕС, но и для критики Горбачёва. По его словам, советское руководство «слушало, слушало и ничего не делало». Фойгт — убеждённый атлантист, который ещё внутри их собственной делегации расходился с Баром во взглядах, — опубликовал свою версию этой встречи в 2016 году. По его словам, у советской стороны «не было собственной концепции»: она выступала против вступления Германии в НАТО, но «не могла предложить убедительных альтернатив» и, по всей видимости, была больше заинтересована в отношениях с Вашингтоном. Семь недель спустя Фалин напишет Горбачёву, что советская

европейская политика погрузилась в состояние «созерцания и раздумий, если не сказать депрессии», что «Запад нас переигрывает», а идея общего европейского дома «теперь превращается в мираж». Иными словами, опытный советский дипломат предостерегал от иллюзии, будто Советский Союз когда-нибудь смогут по-настоящему принять в так называемую «западную цивилизацию».

Именно это Путин оставил между строк в своей речи на Валдае: в 1990 году немецкий социал-демократ и главный советский эксперт по Германии, находясь по разные стороны стола, фактически обращались с одним и тем же призывом — и оба были проигнорированы одним и тем же человеком, Горбачёвым. Цена, которую за это заплатил сначала СССР, а затем и Россия, оказалась высокой. И послание Путина здесь имеет двойной адрес. Внутри страны оно вновь подчёркивает позицию, которую Путин занимает уже давно, предупреждая российскую элиту об опасности иллюзий в отношении Запада. Во внешнем плане оно призвано напомнить немцам — и Европе в целом, — что когда-то они были способны проводить в отношении России хотя бы минимально рациональную политику.

Во сколько обходится Германии её экономическое самоубийство?

Германия, к которой было обращено это послание, переживает настоящий экономический спад. Институт немецкой экономики — кёльнский IW, аналитический центр, финансируемый объединениями работодателей и потому уж точно не вызывающий подозрений в симпатиях к России, — в феврале этого года подсчитал, что с 2020 года совокупный недополученный объём производства в Германии приблизился к одному триллиону евро. В 2025 году объём производства в Германии лишь ненамного превысил уровень 2019 года. Иными словами, шесть лет экономического застоя. IW не разделяет последствия разных потрясений: пандемия, война и конфронтационная политика Вашингтона с 2022 года наложились друг на друга. Но энергетическая составляющая этого счёта выглядит просто ошеломляюще.

В 2021 году на Россию приходилось 55% германского импорта газа, а один только «Северный поток — 1» поставил 59,2 млрд кубометров — больше своей номинальной пропускной способности. Именно это топливо лежало в основе промышленной модели, построенной на дешёвой энергии. Цена газа на TTF, главном европейском газовом хабе, большую часть 2019 и 2020 годов держалась ниже 20 евро за мегаватт-час. В сентябре 2026 года, после пика в 340 евро в 2022-м, она всё ещё находилась в диапазоне 73–80 евро — то есть в три-четыре раза выше прежнего уровня. Германия заменила российский трубопроводный газ

поставками СПГ издалека: в первом квартале этого года 89% её импорта сжиженного природного газа пришлось на Соединённые Штаты. В период с 2022 по 2025 год Европейский союз потратил на СПГ около 281 млрд евро, из которых 131,5 млрд пришлось на американские поставки. Фактически произошёл колоссальный переток доходов через Атлантику.

Последствия для реальной экономики наглядно отражены в официальной статистике. По данным Destatis, Федерального статистического ведомства Германии, в период с февраля 2022 года по март 2026 года объём производства в энергоёмких отраслях сократился на 15,2%, тогда как по промышленности в целом спад составил 9,5%. Консалтинговая компания EY, опираясь на данные того же федерального ведомства, подсчитала, что в 2025 году в промышленности было сокращено 124 тыс. рабочих мест — почти вдвое больше, чем в 2024-м. Из них 50 тыс. пришлось на автомобильную отрасль. С 2019 года германская промышленность потеряла около 266 тыс. рабочих мест, а один только автопром — 111 тыс., то есть 13% общей численности занятых в отрасли. Четвёртый квартал 2025 года стал уже десятым подряд кварталом снижения промышленной выручки.

Однако наиболее показательно здесь молчаливое решение самого капитала. В опросе 3 000 компаний четыре из десяти заявили, что рассматривают возможность сократить производство в Германии или перенести его за рубеж; в 2022 году таких было лишь 21%.

Пока BASF в марте этого года вводила в эксплуатацию в китайском Чжаныцзяне комплекс стоимостью 10 млрд евро — крупнейшую разовую инвестицию в своей истории, — ArcelorMittal уведомляла правительство Германии, что отказывается от строительства заводов по производству «зелёной» стали в Бремене и Айзенхюттенштадте, тем самым отказываясь и от уже одобренных субсидий на сумму 1,3 млрд евро. В качестве причины компания прямо назвала стоимость электроэнергии в Германии. Генеральный директор компании Геерт ван Пулворде заявил: «Европейская сталелитейная промышленность испытывает беспрецедентное давление в борьбе за сохранение жизнеспособности — и это ещё без учёта дополнительных расходов, необходимых для декарбонизации». ВВП Германии сократился на 0,3% в 2023 году и на 0,2% в 2024-м, а в 2025 году вырос всего на 0,2%. Речь идёт уже не о циклическом замедлении, а об угрозе самим основам производственной базы страны. Иными словами, это ускоренный процесс деиндустриализации, вызванный политическим решением, принятым в Берлине: отказаться от дешёвого российского газа в обмен на тот же энергоресурс, доставляемый из-за океана и обходящийся втрое дороже. Назвать это экономическим самоубийством — вовсе не риторическое преувеличение.

Реиндустриализация военными средствами: зловещее дежавю

Столкнувшись с этой картиной, правительство Фридриха Мерца сделало выбор, который европейская история уже видела — и последствия которого были не просто тяжёлыми, а катастрофическими: индустриализация страны под руководством военно-промышленного комплекса — именно по этому пути Германия пошла в 1930-е годы. 18 марта 2025 года Бундестаг 513 голосами против 207 одобрил поправку к конституции, выводящую все оборонные расходы свыше 1% ВВП из-под действия долгового ограничения. Так называемый «долговой тормоз», закреплённый в Основном законе для ограничения государственных заимствований, перестал действовать именно в отношении перевооружения. Оборонный бюджет увеличивается с 86 млрд евро в 2025 году до 108,2 млрд в 2026-м и, как ожидается, превысит 150 млрд евро к 2029 году, приблизившись к 3,5% ВВП. Только к декабрю Бундесвер намерен заключить 153 крупных контракта на закупки общей стоимостью около 83 млрд евро. Volkswagen, одна из жемчужин германской промышленности, недавно объявил о сокращении 50 тыс. рабочих мест. Однако незадолго до этого компания также сообщила о выходе в оборонный сектор.

Риторика не отставала от бюджета и становилась всё более тревожной. В июне 2024 года министр обороны Борис Писториус — социал-демократ — заявил в парламенте о цели, сформулированной в выражении, которое вошло в немецкий политический лексикон: «к 2029 году мы должны быть готовы к войне». Мерц в своём первом правительственном заявлении пообещал сделать Бундесвер «сильнейшей армией Европы». 29 сентября 2025 года в Дюссельдорфе он предупредил, что сейчас скажет нечто, «возможно, на первый взгляд немного шокирующее»: «мы не находимся в состоянии войны, но и мира у нас больше нет». Война России, добавил он, — это «война против нашей демократии и война против нашей свободы».

Отношения Германии и России на протяжении веков, мягко говоря, были сложными. Екатерина II Великая, российская императрица в 1762–1796 годах, была немецкой принцессой из Штеттина, а российская императорская династия с 1762 по 1917 год официально именовалась Романовы-Гольштейн-Готторпы. Заключив в 1887 году Договор перестраховки, Бисмарк стремился удержать Россию в такой системе отношений, которая позволила бы Германии никогда не вести войну на два фронта, однако его преемники отказались от этого курса в 1890 году, подтолкнув Россию к сближению с Францией и тем самым создав предпосылки для взрыва

1914 года — Первой мировой войны. Нет нужды напоминать и о том, что после вторжения Гитлера в СССР в 1941 году две страны сошлись в одних из самых кровопролитных сражений в истории.

Затем появляется и третий фактор, ещё больше усложняющий эти отношения. В 1962 году под давлением Вашингтона НАТО запретило продажу немецких труб Советскому Союзу, и германским компаниям пришлось разорвать уже подписанные контракты. Спустя годы Брандт отменил это вето: в феврале 1970 года была заключена германо-советская сделка «трубы в обмен на газ» — за шесть месяцев до подписания Московского договора, переговоры по которому вёл Бар и в котором Бонн наконец признал послевоенные границы.

В 1982 году, на фоне строительства сибирского газопровода, Вашингтон ввёл санкции против европейских компаний, однако правительства европейских стран потребовали, чтобы контракты всё равно были выполнены, и в итоге Рейган отступил. Это были старые добрые времена, когда Европа ещё сохраняла свой суверенитет и была способна противостоять американским санкциям. К 2019 году одной лишь угрозы со стороны Белого дома оказалось достаточно, чтобы швейцарская компания Allseas в течение 24 часов вышла из проекта «Северный поток — 2», а к февралю 2021 года то же самое сделали ещё восемнадцать европейских компаний, в том числе сертификационные и страховые структуры, без которых газопровод, даже будучи достроенным, не мог начать работу. Наконец, в сентябре 2022 года вопрос был решён взрывчаткой на дне Балтийского моря — в результате теракта на спорном газопроводе. В своём расследовании известный журналист Сеймур Херш возложил ответственность за взрыв на американскую операцию, что Вашингтон отрицал; в июне этого года прокуратура Германии предъявила обвинение украинцу, которого считают командиром парусной яхты, якобы использованной для перевозки взрывчатки. Бесспорно одно: энергетическая инфраструктура Германии была уничтожена, однако четыре года спустя никто так и не понёс ответственности, а Берлин ни разу не квалифицировал произошедшее как нападение, тем более как *casus belli*. «Северный поток — 2», строительство которого было завершено в сентябре 2021 года и обошлось примерно в 9,5 млрд евро, так и не проработал ни одного дня. И убытки понёс не только российский «Газпром», профинансировавший половину проекта, но и компании из Германии, Австрии, Франции, Великобритании и Нидерландов.

Именно это переплетение страха и притяжения, союза и разрушения немецкая историография вслед за Гердом Кёненом называет *Russland-Komplex* — «русским комплексом». Сегодня маятник качнулся к одной из крайностей, и единственным местом во власти, где ещё сохраняется иной подход, остаётся СДПГ: в июне 2025 года более ста представителей Социал-демократической партии подписали

манифест с призывом предпринять «чрезвычайно трудную попытку» возобновить взаимодействие с Москвой «после того, как замолчат пушки». Писториус, состоящий в той же партии, назвал этот текст «отрицанием реальности».

Политика Мерца проходит проверку на выборах

В одном из своих ответов на пленарном заседании Валдайского клуба Путин связал агрессивное ужесточение европейской риторики вокруг предполагаемой «российской угрозы» с попыткой отвлечь общественное внимание, переключив его с тяжёлых экономических и социальных проблем, с которыми сталкиваются ведущие европейские страны. Однако, если судить по последним земельным выборам в Германии, тактика Берлина не работает. За пятнадцать дней сентября 2026 года состоялись три выборные кампании: 6 сентября в Саксонии-Анхальт ХДС обрушился с 37% до 17% и уступил АдГ, набравшей 43,8% — лучший результат в её истории; 20 сентября в Мекленбурге — Передней Померании АдГ не только победила с 38,2%, но и ХДС, получив 4,9%, вообще не прошёл в парламент. В Берлине партия Die Linke одержала победу над коалицией ХДС и СДПГ и, вероятно, будет управлять столицей вместе с «Зелёными» и СДПГ.

Мерц назвал этот результат «катастрофой», но заявил, что останется на своём посту. Госсекретарь Филипп Амтор, представляющий то же крыло партии, кратко выразил общее настроение: «на кону стоит всё». В общенациональных опросах АдГ держится на уровне 25–27%, практически сравнявшись с ХДС. Немецкие избиратели наказывают партию перевооружения сразу с двух флангов: справа — голосуя за АдГ, которая выступает против санкций и за возвращение российского газа; слева — поддерживая Die Linke, победившую в столице как силу, наиболее последовательно выступающую против военной эскалации. Эти результаты невозможно понять без учёта 124 тысяч сокращённых рабочих мест в промышленности в 2025 году и втрое выросших расходов на энергию.

Риск ещё одной «ошибки века»?

В конце жизни Бар назвал выбор Западом курса на конфронтацию «ошибкой века» и говорил, что НАТО превратилось в «инструмент, обслуживающий гегемонистскую стратегию Соединённых Штатов». Примерно в то же время, когда Бар ушёл из жизни, Джордж Фридман — венгр, бежавший от коммунизма и никогда не питавший симпатий к Москве, основатель геополитической разведывательной компании Stratfor, прозванной «частным ЦРУ», — объяснил аудитории в Чикаго, что «первостепенный интерес Соединённых Штатов, ради которого на протяжении

столетия мы вели войны — Первую мировую, Вторую мировую, холодную войну, — заключался в отношениях между Германией и Россией. Потому что, объединившись, они становятся единственной силой, способной нам угрожать. И наша задача — не допустить этого». Одиннадцать лет спустя Германия импортирует 89% своего сжиженного газа из Соединённых Штатов, потеряла объём производства, эквивалентный целому году, и спорит о том, находится ли она уже в состоянии войны. Похоже, Белый дом хорошо справился со своей задачей. Но, судя по всему, Путин обратился к фигуре Бара в надежде, что единственным аргументом, способным расколоть нынешний германский консенсус, может стать аргумент, имеющий собственно немецкое происхождение.

Ставка российского президента привела к необычному эпизоду на пленарном заседании. Прежде чем задать свои вопросы, главный редактор швейцарской газеты *Weltwoche* Роджер Кёппель заметил, что лично знал Эгона Бара и высоко ценил его политическое видение. Путин начал отвечать на другие темы, но затем внезапно прервал собственную мысль и сказал, что ему было бы интересно услышать больше об Эгоне Баре, поскольку лично он с ним никогда не встречался. После этого, неожиданно для всех, Путин вновь передал слово Кёппелю и попросил его поделиться своим взглядом на политику Бара. Застигнутый врасплох, Кёппель ответил, что Бар произвёл на него впечатление человека выдающегося, с хорошим чувством юмора, очень умного и при этом реалиста, не заражённого «моральным империализмом» современной Европы. По словам Кёппеля, Бар «считал, что Европа — это кладбище бывших империй, но она может стать континентом мира и связующим звеном между США и Россией». После завершения пленарного заседания один мой знакомый из Валдайского клуба сказал мне, что не может припомнить другого случая, когда президент сам задавал вопрос кому-то из аудитории.

Я поговорил с опытным российским политическим аналитиком, которая много лет внимательно следит за выступлениями Путина, и она сказала мне, что это была необычная речь — прежде всего в части вопросов и ответов, — в которой российский президент говорил с большой откровенностью, временами почти мрачно, и явно демонстрировал серьёзную обеспокоенность нынешней геополитической ситуацией. По её мнению, Путин, похоже, обращался к мировым элитам, принимающим ключевые решения, словно призывая их осознать свою ответственность за то, чтобы процессы трансформации мирового порядка не вышли из-под контроля, потому что, если это произойдёт, победителей не будет. Она добавила: «По своему тону эта речь напомнила мне знаменитое выступление на Мюнхенской конференции 2007 года».

Услышав слова Кёппеля о «моральном империализме» и о «Европе как кладбище империй», Путин ответил: «Может быть, именно поэтому многие в Европе хотят довершить уничтожение Российской империи, которой уже давно не существует? Но они, по-видимому, этого не знают». В последний раз, когда Германия позволяла себе столь агрессивную риторику в отношении России и одновременно стремилась сделать свою армию «самой мощной в Европе» — как теперь хочет Фридрих Мерц, — человечество оказалось втянуто в самую масштабную и кровопролитную войну в своей истории. Но, по-видимому, немцы больше не помнят ни этого — ни Эгона Бара.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ Бар, Эгон Германия Россия НАТО